

Феномен «индейского ренессанса» в Латинской Америке как фактор влияния на социально-экономическое положение автохтонного населения

*Керимова София Ровшановна, Родионов Алексей Вадимович,
Севостьянова Алина Александровна*

МГИМО МИД России

Магистратура «Внешняя политика и дипломатия России», 2 курс

РЕЗЮМЕ

В статье выдвигается предположение о ключевых факторах, раскрывающих причины, по которым феномен «индейского ренессанса» (большая политическая вовлеченность представителей коренных народов Латинской Америки) не привел к существенному изменению социально-экономического положения индейского населения региона. К ним авторы относят сохранение традиционного уклада, неэффективность государственной политики, недопредставленность индейцев в политической системе стран региона. Авторская гипотеза проверяется на основе рассмотрения социально-экономического положения индейцев в четырех странах Латинской Америки: Гватемале и Боливии (с большой

долей автохтонного населения), Колумбии и Гондурасе (с незначительной долей автохтонного населения). По завершении анализа взаимосвязи феномена «индейского ренессанса» и изменений в социально-экономическом положении индейцев авторы пришли к важным выводам, среди которых расплывчатость и маргинальность самого явления «индейского ренессанса» и нежелательность его применения («неоиндихенизм» считаем более предпочтительным), а также невозможность выявить причинно-следственную связь между долей индейцев в общей численности населения отобранных стран и социально-экономическим и политическим положением этих групп.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

индейский ренессанс; индихенизм; неиндихенизм; политика предоставления автономий; языковая политика в Латинской Америке.

Phenomenon of «Indigenous Renaissance» in Latin America as Factor of Influence on Socio-Economic Status of Indigenous Population

Sofia R. Kerimova, Aleksei V. Rodionov, Alina A. Sevostyanova

MGIMO University

Masters Program "Foreign Policy and Diplomacy of Russia", 2nd Year

ABSTRACT

The article suggests key factors that reveal the reasons why the phenomenon of the "Indigenous Renaissance" (greater political involvement of representatives of the indigenous peoples in Latin America) did not lead to a significant change in the socio-economic situation of the indigenous population of the region. The key factors include the preservation of the traditional way of life, the ineffectiveness of state policy, the underrepresentation of Indians in the political system of the region's countries. The authors' hypothesis is tested based on considering the socio-economic situation of Indians in four Latin American countries: Guatemala and Bolivia (with a large proportion of the autochthonous

population), Colombia and Honduras (with a small proportion of the autochthonous population). Upon completing the analysis of the relationship between the phenomenon of the "Indigenous Renaissance" and changes in the socio-economic situation of the Indians, the authors came to important conclusions, including the vagueness and marginality of the phenomenon of the "Indigenous Renaissance" and the undesirability of its application ("neo-indigenism" is considered preferable), as well as the inability to identify a causal relationship between the share of Indians in the total population of the selected countries and the socio-economic and political status of these groups.

KEYWORDS

The Indigenous Renaissance; Indigenism; Neo-indigenism; the Indian issue; the policy of granting autonomy; the language policy in Latin America.

Contact the authors via: sofiia.kerimova@yandex.ru; av-rodionof@yandex.ru; alina.sevostyanova22@mail.ru

1990-е годы ознаменовали активизацию движения коренных народов Латинской Америки (далее ЛА), которое трансформировалось в мощную политическую силу. Однако ощутимых успехов в улучшении социально-экономического положения индейского населения региона добиться до сих пор не удалось^[1]. Цель данной статьи — определить ключевые факторы, объясняющие причины, по которым феномен «индейского ренессанса» (то есть бо́льшая политическая вовлеченность представителей коренных народов ЛА) не оказал существенного влияния на повышение уровня жизни индейцев.

На взгляд авторов, это явилось следствием нескольких факторов.

Во-первых, индейское население латиноамериканских стран сохраняет традиционный уклад жизни, занимаясь низкоквалифицированными и малоприбыльными формами труда. Это не только затрудняет их встраивание в модель рентной экономики, ориентированной на международные рынки, но и закладывает конфликтный потенциал между индейским представлением об экономическом развитии (особое отношение к земле) и неолиберализмом.

Во-вторых, государственные программы, нацеленные на улучшение социально-экономического положения автохтонного населения, нередко ока-

зываются неполными, противоречивыми и в целом неэффективными.

В-третьих, нельзя не отметить недостаточную представленность индейского населения в законодательных институтах латиноамериканских стран, что существенно ограничивает возможности коренных народов влиять на политическую повестку стран.

Соответственно, логика изложения статьи следующая: в первой части рассматривается концептуальная составляющая феномена «индейского ренессанса», во второй части раскрывается суть трех основных факторов, отвечающих на исследовательский вопрос данного исследования.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В литературе основательно проанализированы как феномен «индейского ренессанса» в странах Латинской Америки, так и предпосылки активизации этнического движения в конце XX века и его движущие силы^[2], среди которых ведущую роль играют сопротивление индейцев глобализму и неолиберальной экономической модели развития, а также демократизация политической сферы. Особое внимание исследователи уделяют политико-правовым аспектам данного явления, рассматривая проблемы политического участия индейских движений и

[1] René Harder Horst. A History of Indigenous Latin America: Aymara to Zapatistas. — Routledge, 2020. — P. 361.

[2] Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки / В.М. Давыдов // М.: ИЛА РАН, 2006. — 52 с.; Воротникова Т.А. Индейский мир перед вызовами XXI века. / Сборник статей под ред. Чумаковой М.Л., Мартынова Б.Ф. // Москва: Изд-во ИЛА РАН, 2011. — 204 с.; Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений // Вестник МГИМО. — 2019. — №5 (68). — С. 44-63.; Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. — 264 с. и др.

наделения их правами^[3], причины политизации этничности^[4], факторы, препятствующие созданию единой индейской политической партии^[5], национальную политику государств в отношении коренных народов^[6], международно-правовые аспекты индейского вопроса^[7], особенности этнополитических конфликтов^[8], а также особенности этнополитической мобилизации в отдельных странах региона, среди которых – Мексика^[9], Перу^[10], Чили^[11], Эквадор^[12], Боливия^[13], Гватемала^[14]. Меньший объем работ посвящен неравному положению индейцев в обществах латиноамериканских стран^[15]. Ряд работ направлен на изучение этнорелигиозной составляющей в феномене «индейского ренессанса», который носит синкретический характер и воплощает протестный потенциал коренных народов, выступающих против универсалистских (западных) моделей развития^[16], выявляя конфликт ценностей западной и индейской цивилизаций, поэтому страны Латинской Америки зачастую назы-

[3] Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке / А. А. Шинкаренко // Латинская Америка. – 2011. – № 10. – С. 76–88.; Merino R. Reimagining the Nation-State: Indigenous Peoples and the Making of Plurinationalism in Latin America // *Leiden Journal of International Law* — 2018. — 31(4)ю — PP. 773–792; Donna Lee Van Cott. Building inclusive democracies: Indigenous peoples and ethnic minorities in Latin America // *Democratization*. — 2005. — 12:5. — PP. 820–837.

[4] Чернышёв А.Л. Политизация этничности в эпоху глобализации: опыт Латинской Америки // Латинская Америка. — 2015. — № 9. — С. 73–80.

[5] Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений // Вестник МГИМО. — 2019. — №5 (68). — С. 44–63.

[6] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. – 264 с.; Guillermo de la Peña. Social and Cultural Policies Toward Indigenous Peoples: Perspectives From Latin America // *Annual Review of Anthropology*. — 2005. — 34:1. — PP. 717–739; Horn P. Indigenous peoples, the city and inclusive urban development policies in Latin America: Lessons from Bolivia and Ecuador // *Development Policy Review*. — 2018. — 36. — PP. 483–501.

[7] Шинкаренко А.А. Индейский вопрос: международно-правовые аспекты / А. А. Шинкаренко // Латинская Америка. – 2009. – № 2. – С. 66–75.

[8] Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности / Отв. ред. З.В. Ивановский. — М.: ИЛА РАН, 2017. — 452 с.

[9] Чернышев, А. Л. Политическая борьба индейского населения Мексики в конце XX - начале XXI вв. / А. Л. Чернышев // Латинская Америка. — 2009. — № 8. — С. 93–100.

[10] Шинкаренко А.А. Индейские движения и организации в политических процессах Перу и Эквадора: Специальность 23.00.02: дис. ... к.п.н. / А.А. Шинкаренко, науч.рук. Чумакова М.Л. // ИЛА РАН, 2010. —180 с.; Кретов С.М. «Индейский вопрос» в Перу. Исторический контекст и современное состояние межэтнического диалога / С. М. Кретов // Латинская Америка. – 2020. – № 10. – С. 81–98.

[11] Дьякова Л.В. Демократические правительства Чили и индейское население (1990–2009) // Латинская Америка. — 2010. — № 1. — С. 67–77.

[12] Шинкаренко А.А. Индейские движения и организации в политических процессах Перу и Эквадора: Специальность 23.00.02: дис. ... к.п.н. / А.А. Шинкаренко, науч.рук. Чумакова М.Л. // ИЛА РАН, 2010. —180 с.

[13] Воротникова Т.А. Политический процесс в полиэтническом государстве: опыт Боливии: (конец XX - начало XXI вв.): специальность 23.00.02: авт. дис... к.п.н. / Т.А. Воротникова, науч.рук. Чумаков М.Л. // Москва: ИЛА РАН, 2010.

[14] Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке / А. А. Шинкаренко // Латинская Америка. – 2011. – № 10. – С. 76–88.

[15] Psacharopoulos G., Patrinos H. Indigenous people and poverty in Latin America: an empirical analysis / G. Psacharopoulos, H. Patrinos / Washington, D.C.: World Bank, 1994.; Horn P. Indigenous peoples, the city and inclusive urban development policies in Latin America: Lessons from Bolivia and Ecuador // *Development Policy Review*. — 2018. — 36. — PP. 483–501.

[16] Горшенев Д. Ценностно-религиозные основания международных отношений в Латинской Америке: специальность 09.00.13: авт. дисс... к.и.н. / Д.С. Горшенев, науч.рук. Бирюков Н.И. // Москва: ИЛА РАН, 2019.; Rodríguez Mir Javier. Los movimientos indígenas en América Latina. Resistencias y alteridades en un mundo globalizado // *Gazeta de Antropología* — 2008. — № 24/2. — Artículo 37.

вают «пограничной цивилизацией»^[17]. Особое внимание получила экологическая тематика и ее связь с политической активизацией индейцев. Подчеркивается при этом, что индейские организации играют все более важную роль в разработке новых моделей развития (например, концепция “*Buen Vivir*” как отправная точка для диалога по созданию постэкстрактивистской экономики)^[18]. В литературе также затрагивается вопрос соотношения индейского движения и движения афроамериканцев в контексте борьбы за создание собственных автономий^[19]. С критической точки зрения феномен «индейского ренессанса» рассматривается в работе Разумовского Д.В.^[20], в которой автор предупреждает об опасности социального разлома по этническому принципу, что уже проявляется на примере Боливии, где зреет недовольство креольского меньшинства (так называемый «белый ренессанс»). Международные аспекты проблемы коренных народов анализируют в своей статье Д.А. Кузнецов и Е.А. Хулио, указывая на доминирование в международной повестке колониального дискурса, что сдерживает обретение индейским

населением политического голоса^[21].

Несмотря на значительное количество научных работ, посвящённых социально-экономическим параметрам феномена «индейского ренессанса», акцент в них делается преимущественно на изучении отдельных, узкоспецифических проблемных аспектов социально-экономического положения индейского населения, таких как урбанизация и внутренняя миграция^[22] индейского населения, принимаемые государством меры по повышению представленности коренных народов в политической жизни страны^[23], проблемы возникновения протестных настроений среди индейского населения в сельской местности. В то же время в исследовательской литературе не идет речь о причинах неравноправного положения автохтонного населения, сохраняющегося вопреки активизации «индейского ренессанса», что и станет предметом изучения настоящей статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для цели данной статьи уровень жизни автохтонного населения ЛА будет измеряться с помощью следующих индикаторов: индекс человеческого развития (ИЧР) с поправкой на неравенство,

[17] Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латино-Карибской Америки / В.М. Давыдов // М.: ИЛА РАН, 2006. — 52 с.; Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. — 264 с.

[18] Шинкаренко А.А. Эволюция экологического дискурса в Латинской Америке: традиции и новации // Латинская Америка. — 2021. — № 2. — С. 6-16.

[19] Safa H.I. Challenging Mestizaje: A Gender Perspective on Indigenous and Afrodescendant Movements in Latin America // Critique of Anthropology. — 2005. — 25(3). — PP. 307-330.

[20] Разумовский Д.В. Латинская Америка. Запрос на новый общественный договор // Свободная мысль. — 2021. — №1 (1685). — С. 107-122.

[21] Кузнецов Д.А., Хулио Е.А. Международное измерение проблемы коренного населения Латинской Америки // Латинская Америка. — 2022. — № 11. — С. 43-60.

[22] Bengoa J. La emergencia indígena en América Latina / J. Bengoa // Fondo de Cultura Económica, 2000. — 341 p.

[23] Cletus Gregor Barié. Representation of indigenous peoples in times of progressive governments: lessons learned from Bolivia // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. — 2022. — 17:2. — PP. 167-192.

разработанный Программой развития ООН (ПРООН)^[24], индекс Джини^[25], доля сельских жителей, уровень (крайней) бедности^[26], занятость в неформальном секторе, доступ к социальным благам, грамотность^[27]. В качестве концептуальной рамки в статье используются концепции зависимого развития Т. Дус-Сантуса, Р.М. Марини^[28].

Для проверки гипотезы, выдвинутой в статье, были отобраны четыре страны Латинской Америки: Гватемала, Боливия, Колумбия и Гондурас — на основании доли индейского населения в общей численности. На одной шкале расположены Гватемала и Боливия^[29] с высокими показателями доли коренных народов (43,5% и 40-70%^[30], соответственно), на другой — Колумбия и Гондурас с невысокими показателями (6,8% и 7%, соответственно^[31]).

Под индейским/автохтонным/коренным населением авторы понимают, основываясь на определении Конвенции МОТ № 169, коренные народы, по происхождению относящиеся к доко-

лумбовым народам и сохраняющие все или почти все традиционные уклады в политической, экономической, социальной и культурной сферах^[32].

В ходе исследования авторы столкнулись с рядом трудностей. Во-первых, проблематичной оказалась нехватка информации об анализируемых странах, в результате чего по некоторым социально-экономическим и политическим показателям сравнить страны не представилось возможным вследствие отсутствия информации или наличия устаревших данных. Во-вторых, международные организации, занимающиеся исследованием вопросов, касающихся автохтонного населения, предоставляют разные данные не только по показателям, но и по доле индейского населения в латиноамериканских странах.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФЕНОМЕНА «ИНДЕЙСКОГО РЕНЕССАНСА»

Феномен «индейского ренессанса» в латиноамериканском регионе

[24] Индикаторы мирового развития: монография / Д.П. Елагин, Е.А. Сергеев, И.Р. Потапова [и др.]; под ред. Л.М. Капицы. — Москва: КноРус, 2021. — С. 278.

[25] Индекс Джини по странам. 2010-2015 // The World Only: сайт. — URL: <https://theworldonly.org/koeffitsient-dzhini-po-stranam/>

[26] Davis-Castro C. Indigenous Peoples in Latin America: Statistical Information // Congressional Research Centre. — 2020. — P.14. — URL: https://www.everycrsreport.com/files/20200213_R46225_128adcb09e3067c35446c87b012ae4a960173af8.pdf

[27] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. — P.31-37, 59-71, 72-74. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[28] Nota del editor. La cuestión de la teoría de la dependencia // Espacio Abierto. — 2018. — Vol. 27, Núm. 1. — PP. 201-236.

[29] Данные по Боливии сильно разнятся в зависимости от метода подсчета.

[30] CIA World Factbook. // Central Intelligence Agency: site. — URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/>

[31] Там же.

[32] Конвенция о коренных народах и племенах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах: принята Генеральной конференцией МОТ 27.06.1989г. // ООН: официальный сайт. — URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml

нередко связывают с процессами глобализации^[33]. Тем не менее, среди исследователей нет единства мнений относительно сути этого явления. Анализ статей и монографий специалистов по «индейскому вопросу» наводит на мысль о том, что это — собирательное понятие, используемое преимущественно в публицистике для обозначения роста политической активности индейского населения стран Латинской Америки (ЛА) за последние 25–30 лет. Только в одной статье, написанной С.М. Кретовым, дано определение «индейского ренессанса» как «повышения влияния коренных народов континента в политических и социально-экономических процессах»^[34]. Схожего подхода придерживается чилийский историк и антрополог Х. Бенгоа, который создал фундаментальный труд^[35] по «активизации индейского фактора» (исп. «emergencia indígena»), где пишет о тех же явлениях, что и С.М. Кретов, не давая однако определения феномену «индейского ренессанса».

Примечательно, что «индейский ренессанс» либо вовсе не упоминается, либо используется как некое абстрактное понятие. Так, в монографии отечественного латиноамериканиста Н.В. Ракуца^[36] лишь отмечается важ-

ность такого явления, как «индейский ренессанс», которое трактуется автором весьма широко (от актуализации исторической памяти коренных народов до политической мобилизации индейцев).

Необходимо также остановиться на понятии индихенизма, одного из важнейших общественных течений XX в., вокруг которого до сих пор не утихают дебаты среди исследователей. Будем опираться на работы А.А. Шинкаренко, предложившего, на наш взгляд, наиболее логичный и продуманный подход к изучению индихенизма, под которым автор понимает «комплекс подходов и программ, направленных на осмысление роли и места коренных этносов в общественно-экономической и культурной жизни латиноамериканских стран»^[37], а также на смягчение тяжелых условий жизни коренного населения ЛА. А.А. Шинкаренко выделяет четыре этапа в эволюции индихенизма, при этом современный этап, в основе которого — концепция этноразвития (или индеанизм), восходит к началу 1970-х гг.

Согласно этому подходу, коренное население ЛА располагает всеми необходимыми ресурсами для развития, которое должно происходить с опорой на культурное наследие доколумбовых народов. А.А. Шинкаренко также обра-

[33] Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке / А.А. Шинкаренко // Латинская Америка. – 2011. – № 10. – С. 76–88.; Чернышев А.Л. Политизация этничности в эпоху глобализации: опыт Латинской Америки / А.Л. Чернышев // Латинская Америка. – 2015. – № 9. – С. 73–80; Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений / С.М. Кретов // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – Т.12. № 5. – С. 44–63; Anibal Quijano. El “movimiento indígena”, la democracia y las cuestiones pendientes en América Latina // Polis. – 2005. – 10. — URL: <http://journals.openedition.org/polis/7500>; José Bengoa. La Emergencia Indígena en América Latina // Fondo de Cultura Económica, 2000. – 341 p.

[34] Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений / С.М. Кретов // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 44–63.

[35] José Bengoa. La Emergencia Indígena en América Latina // Fondo de Cultura Económica, 2000. – 341 p.

[36] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц. — М., 2018. — С. 7.

[37] Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке / А.А. Шинкаренко // Латинская Америка. – 2011. – № 10. – С. 76–88.

щает внимание на радикальную версию индеанизма, получившую названия индианидад. В ее основе — отказ от любого сотрудничества с неиндейскими организациями (которые обвиняются в так называемом «внутреннем колониализме»^[38]) и опора исключительно на собственные ресурсы для развития индейского населения. Данный этап отмечен активизацией политического участия индейцев, что проявилось в требованиях закрепить права индейцев в конституциях латиноамериканских государств (причем право на самоопределение всегда находилось в центре индейских притязаний), представительства автохтонного населения в структурах власти, а также реформ в области образования с упором на двуязычную систему^[39].

Таким образом, становится понятно, что феномен «индейского ренессанса» развивается в русле индихенизма, а точнее неоиндихенизма, который оформился в 2009 г. с роспуском Межамериканского института коренных народов (от исп. «Instituto Indigenista Interamericano»), продвигавшего общие принципы индихенизма на все страны региона, без учета местной специфики. Неоиндихенизм отличается следующими чертами:

- проведение каждым государством своей собственной политики по вопросу коренных народов, без оглядки на других (отказ от

межамериканского индихенизма);

- акцент на культурное разнообразие стран ЛА, вместо политики ассимиляции коренных народов в русле нациестроительства^[40].

Представляется, что термин «неоиндихенизм» получил большее распространение среди латиноамериканских исследователей, нежели «индейский ренессанс», поэтому считаем его применение более корректным.

Вне зависимости от того, как называть рост влияния индейского населения практически во всех сферах жизни латиноамериканских государств, важно то, что это явление играет все более важную роль в определении дальнейших ориентиров развития региона (особенно в странах со значительной долей индейского населения, таких как Боливия и Гватемала). Стоит, однако, отметить, что с момента основания индихенизма главная цель оставалась неизменной — решение вопроса политики в отношении индейского населения, который мыслился фактором, встающим на пути создания национального государства. Если раньше речь шла об ассимиляции коренных народов, то сейчас риторика сменилась на внедрение принципа культурного разнообразия, который признает многонациональный характер государства (официально закреплен в Конституциях Боливии и Эквадора)^[41].

[38] Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / отв. ред. Б.И. Коваль // Ин-т Латинской Америки РАН. — М.: Наука, 2006. — С. 143-153.

[39] Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке / А.А. Шинкаренко // Латинская Америка. — 2011. — № 10. — С. 76-88.

[40] Puig Andrés A. Fábregas. Historia Mínima Del Indigenismo En América Latina. — El Colegio de Mexico, 2021. — P. 192. — URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2bwvt3t>

[41] Aníbal Quijano. El "movimiento indígena", la democracia y las cuestiones pendientes en América Latina // Polis. — 2005. — 10. — URL: <http://journals.openedition.org/polis/7500>.

Ранее была упомянута глобализация, которая рассматривается в качестве ключевого фактора в возрастании роли этничности. Проблеме парадоксальной взаимосвязи глобализации и этничности при ожидавшемся «отмирании» таких «архаичных» форм идентичности, как этнос, посвящено обширное число исследований^[42]. Необходимо, однако, отметить, что не только глобализация способствовала появлению «индейского ренессанса». К другим, не менее важным факторам, следует отнести, во-первых, окончание холодной войны, что расчистило путь для создания архаично-утопических движений, корнями уходящих в историю латиноамериканского региона. Во-вторых, ускоренную экономическую модернизацию по канонам неолиберализма конца 1980-х – начала 1990-х гг., которая привела к ограничению роли государства как института защиты уязвимых групп населения (включая индейцев). Специфика Латинской Америки заключается в том, что демократизации и либерализации начала 1990-х гг. предшествовал 40-летний период правления лидеров национал-популистского толка. Это отразилось и на положении индейцев, которые были причислены к категории крестьян. Создавались крестьянские федерации, которые с большим или меньшим успехом защищали права земледельцев. Однако с приходом неолиберализма укоренившиеся связи были разрушены, и индейцы вновь оказались

в изоляции, что стало толчком для поиска новой идентичности, способной защитить коренное население от разрушительного влияния неолиберальных экономических преобразований. В результате появились концепции двойной идентичности: национальной и этнической^[43].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНДЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

Несмотря на рост интереса мирового сообщества к социально-политическим проблемам Латинской Америки и в частности индейского населения, хронические затруднения в социально-экономической сфере жизни индейцев остались с 1990-х гг. практически нерешенными.

В первую очередь следует подчеркнуть высокий уровень неравенства в странах Латинской Америки. Так, индекс Джини у Боливии, Гватемалы, Гондураса и Колумбии составляет 48.4%, 48.7%, 50.6% и 53.5%, соответственно^[44],^[45]. Сильная стратификация неизменно влечет за собой неблагоприятное положение «уязвимых» социальных групп, коей являются индейцы.

Вне зависимости от доли автохтонного населения, проживающего в государствах, в анализируемых странах наблюдается сильный разрыв между сельским и городским индейским населением.

[42] См., н-р Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций: монография // А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов. — СПб: ЛИТЕО. — 336 с.

[43] José Bengoa. La Emergencia Indígena en América Latina // Fondo de Cultura Económica, 2000. — P. 29-50.

[44] Индекс Джини по странам. 2010-2015 // The World Only: сайт. — URL: <https://theworldonly.org/koeffitsient-dzhini-po-stranam/>

[45] Human Development Report 2021-22. // United Nations Development Programme. — URL: https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22pdf_1.pdf — P. 272-275.

Таблица 1. Распределение индейского населения: сельская местность и город.

Страна/регион (год)	Сельская местность	Города
Латинская Америка	51%	49%
Боливия (2012)	52%	48%
Гондурас (2001)	85%	15%
Колумбия (2005)	78%	22%

Источник: Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. — P.31. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

Таблица составлена авторами.

Бедность. В начале 1990-х гг. подавляющее большинство коренного населения самых крупных «индейских стран» жило за чертой бедности^[46]. По прошествии более десяти лет, ситуация не слишком улучшилась. Согласно исследованиям Всемирного банка от 2015 г., 43% индейского населения

Латинской Америки находятся в условиях бедности (т.е. живут менее, чем на 5.50\$ в день) и 24% – в условиях крайней бедности (порог – 1.90\$), что почти в два раза превышает количество неиндейского населения^[47].

Наиболее актуальные данные (2018 г.) представлены ниже в таблице.

[46] Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений // Вестник МГИМО. — 2019. — №5 (68). — С. 49.

[47] Davis-Castro C. Indigenous Peoples in Latin America: Statistical Information // Congressional Research Centre. — 2020. — P. 14. — URL: https://www.everycrsreport.com/files/20200213_R46225_128adcb09e3067c35446c87b012ae4a960173af8.pdf

Таблица 2. Население стран в условиях бедности (меньше, чем на 5.50\$), 2018

Страна	Доля индейского населения	Доля общего населения
Боливия	40%	26%
Гватемала	39%	40%
Колумбия	42%	28%

Источник: Davis-Castro C. Indigenous Peoples in Latin America: Statistical Information // Congressional Research Centre. — 2020. — P. 14. — URL: https://www.everycrsreport.com/files/20200213_R46225_128adcb09e3067c35446c87b012ae4a960173af8.pdf

Таблица составлена авторами.

Так, доля неблагополучного индейского населения в трех странах примерно одинакова, что говорит об общем низком уровне социального благополучия для индейцев и для населения стран Латинской Америки в целом.

Неравные условия труда по сравнению с неиндейским населением, занятость в неформальном секторе. Согласно докладу Всемирного Банка «Indigenous Latin America in the Twenty-First Century», среднее количество индейского населения, занимающегося низкоквалифицированным трудом, составляет 67%. Для неиндейского населения этот показатель приближен к 60%^[48]. Даже если представители коренного населения получают высшее образование, они будут зарабатывать значительно меньше, чем неиндейцы с той же квалификацией. У индейского населения также меньше доступа к получению высококвалифицированной профессии. Следовательно, повышается вероятность того, что индейское население будет занято в неформальном секторе.

Традиционный уклад жизни индейцев сохраняется по сей день. Большинство индейских общин живут на основе натурального обмена^[49].

Недостаточный доступ к социальным благам. На сегодняшний день во всех четырех анализируемых странах

только 40% индейцев имеют доступ к электричеству и 39% – к питьевой воде^[50].

Ниже анализируется положение индейского населения в странах по отдельности.

Боливия – самая «индейская» страна Южной Америки, единственная, где индейцы составляют половину населения. В этом и состоит уникальность Боливии: в других странах индейцы воспринимаются как национальные меньшинства. В то же время Боливия – преимущественно городская страна: более 62 млн. человек обитает в населенных пунктах с численностью более 2000 человек^[51].

Несмотря на это, восприятие индейцев имеет прежде всего коннотацию коренных народов, проживающих в сельской местности, хотя 55% индейцев старше 15 лет в Боливии сегодня – горожане^[52].

В области трудовой деятельности индейцев в Боливии сохраняется разрыв между коренным и «креольским» населением: 74% индейцев против 64% неиндейцев. При этом официально заняты только 60% индейцев, исходя из чего резко повышается вероятность их работы в неформальном секторе экономики. Так, с 2002 г. по 2011 г. этот риск увеличился 5.7% до 6.87%.

Доступ к социальным благам у ин-

[48] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. – P.67. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[49] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. – С. 105.

[50] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. – P.32. – URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[51] Estadísticas sociales. Proyección de población. // Instituto Nacional de Estadística de Bolivia. – 2020. – URL: <https://www.ine.gob.bo/index.php/censos-y-proyecciones-de-poblacion-sociales/>

[52] Albó X.C., Barrios F.X.S. Por una Bolivia plurinacional e intercultural con autonomías // Cuaderno de futuro. – 2007. – Vol. 22. – La Paz: PNUD, 2007. – P. 43-44.

дейцев Боливии также оставляет желать лучшего. Среди сельского индейского населения только 26% имеют доступ к электричеству, 40% – к питьевой воде, 4% – к канализационным системам (против 91%, 88% и 59% индейцев, живущих в городе). Также только у 15% индейцев есть домашние персональные компьютеры, у 4% – персональный интернет (против 36% и 16% неиндейцев, соответственно). Как можно заметить, несмотря на разницу показателей для индейцев и неиндейцев, показатели невысоки в принципе^[53].

Традиционный уклад жизни (рыболовство, продажа одежды и украшений, сделанных вручную) сохраняется^[54].

Гватемала является самым «индейским» государством Центральной Америки, в Южной Америке «соперничает» только с Боливией. При этом индейское население Гватемалы исторически сталкивалось с экономической и социальной изоляцией. В 2011 году, например, трое из четырех человек, проживающих в бедных сельских районах, принадлежали к коренным домохозяйствам. 55% индейского и 31% неиндейского населения живут в условиях крайней бедности (менее, чем на 2.5\$ в день), и этот показа-

тель растет: в 2000 г. он составлял 42% и 28%, соответственно^[55].

Основная масса гватемальских индейцев проживает в отдаленных районах страны, занимается сельским хозяйством, имея ограниченный доступ к источникам питьевой воды и электричества. Население очень уязвимо к природным катаклизмам. Народы киче, какчикель, кекчи и маме занимают 1-ое место в ЛАК и 5-е в мире по «уровню хронического недоедания малолетних детей»^[56].

Вероятность работы в неформальном секторе в Гватемале возросла с 9,34% (2000 г.) до 14,5% (2011 г.), что ставит под еще большую угрозу безопасность индейского населения^[57].

Подытожим, что в Гватемале, где процент индейцев огромен, так и не сложилась система защиты и обеспечения прав индейского населения.

Гондурас — многоэтническая страна, состоящая из четырех больших этнических семей: белое большинство, индейское население (ленка, мискито, толупанес, тавака), индейцы-католики гарифуна и носители креоло-английского языка^[58]. Большинство индейцев проживает в отдаленных регионах

[53] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. — P.61-65. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[54] Luis Arce. La economía de mercado estaba matando a los pueblos indígenas. // NOTA AL PIE: site. — 22.09.2022. — URL: <https://www.notaalpie.com.ar/2022/09/22/luis-arce-la-economia-de-mercado-estaba-matando-a-los-pueblos-indigenas/>

[55] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. — P.60. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[56] Распространенность недоедания по странам. FAO. 2016 // No News: информационный портал. — URL: <https://nonews.co/directory/lists/countries/undernourishment-prevalence>

[57] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. — P.68. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[58] Pueblos Indígenas de Honduras // Territorio Indígena y Gobernanza: site. — URL: https://www.territorioindigenaygobernanza.com/web/hon_07/

страны, далеко от городов. Сельское коренное население составляет 85%^[59]. При этом наблюдается типичный для случаев анализа недостаточный доступ индейцев к питьевой воде.

В Колумбии, по разным подсчетам, количество индейского населения составляет от 3% до 7%^[60]. Согласно переписи Национального департамента статистики, примерно 300 000 индейцев (21% от общего количества) живут в городах^[61]. Состояние индейского населения крайне нестабильное, что можно отчасти объяснить многолетним вооруженным конфликтом и дискриминацией индейцев в стране.

Одной из причин бедственного положения индейцев, помимо последствий гражданской войны, является деятельность компаний добывающих отраслей по добыче сырья и строительству ГЭС на территории индейских резерватов. По данным на 2010 г., земли, сданные в концессии иностранным ТНК, составляли до 65% всех индейских территорий^[62]. Следовательно, «вытесняемые» со своих территорий индейцы уходят в города, где постепенно теряют свою идентичность, культуру и традиции.

О современном уровне жизни индейцев Колумбии свидетельствуют та-

кой факт, как хроническое недоедание у 70% детей^[63], а 34 коренных народа считаются находящимися под угрозой исчезновения^[64].

Доступ к электричеству имеют только 48% колумбийских индейцев в сельской местности, и только у 30% есть доступ к питьевой воде. Персональными компьютерами располагают только 2% индейцев (против 16% неиндейцев) Колумбии^[65].

Так, анализ положения индейского населения в выбранных странах показывает, что, несмотря на кажущийся рост влияния коренных народов на политику государства и мировые процессы, их экономические и социальные условия остаются на неудовлетворительном уровне. В отношении показателей уровня бедности и крайней бедности явно заметен разрыв между индейским и неиндейским населением всех четырех стран. В то же время стоит отметить, что неудовлетворительное положение индейского населения зависит не столько от его доли в данной стране, сколько от общего уровня социально-экономического процветания государства. Трудности с доступом к социальным благам во всех рассматриваемых странах испытывает значительная часть населения в целом. Следовательно, проблема состоит

[59] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. — P.31. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[60] CIA World Factbook. // Central Intelligence Agency: site. — URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/>

[61] Cabodevilla M.A. Pueblos ocultos. — Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. — Copenhagen: IWGIA, 2007. — P.110-122.

[62] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. — С.97.

[63] Там же. — С.96.

[64] Jaramillo Jaramillo E. Colombia // El mundo indígena. — Copenhagen, 2013. — P. 108, 110, 112, 114- 115.

[65] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century. The First Decade // World Bank Group, 2015. — P.70-74. — URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

не столько в недостаточном внимании каждого государства именно к индейцам, сколько к населению в принципе.

НЕЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

В конце XX – начале XXI века наблюдалась заметная активизация индейского движения в политической и социальной сферах жизни латиноамериканских стран, с чем правительства не могли не считаться^[66]. В Боливии и Колумбии в 1991 и 2009 гг., соответственно, были приняты новые конституции, носившие довольно прогрессивный характер: конституции объявляли государственным приоритетом защиту индейских общин, устанавливался особый статус коренных языков, признавались политические, культурные, социальные и политические права индейцев. В 2007 г. в ООН Боливия, Гватемала и Гондурас проголосовали за принятие декларации о правах коренных народов, которая, среди прочего, обязывает власти страны проводить консультации с автохтонным населением при принятии законопроекта или применении административных мер, которые могут затрагивать их интересы. В 1989 г. в рамках МОТ была принята конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, к которой присоединилось большинство латиноамериканских стран. В Боливии и Гватемале были учреждены «фонды ин-

дейского развития» для улучшения качества жизни автохтонного населения стран. Однако несмотря на проведение в целом активной проиндигенистской политики, коренное население стран продолжает находиться в наиболее уязвимом положении в обществе, в связи с чем нами была предпринята попытка понять, в чем заключаются ограничения и недостатки государственной политики, направленной на защиту индейцев.

Языковая политика. В рассматриваемых странах индейские языки имеют разный статус. В Гондурасе они являются «языками образования», в Колумбии имеют статус «региональных языков», в Гватемале считаются «национальными языками»^[67], однако делопроизводство везде ведется на испанском. В Колумбии и Гватемале функционально статус индейских языков идентичен, несмотря на колоссальную разницу в доле автохтонного населения в населении страны. Боливия в этом плане является уникальным государством. Конституция 2009 года^[68] устанавливает два официальных языка: один из них испанский, а другим может быть один из 26 индейских языков, перечисленных в пятой статье основного закона, причем выбор индейского языка осуществляется правительством в зависимости от распространенности этого языка и целесообразности его использования.

Однако придание дополнительных прав индейским языкам наталкивалось на серьезные препятствия при

[66] Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений / С. М. Кретов // Вестник МГИМО Университета. – 2019. – Т. 12. – № 5. – С. 54.

[67] Indigenous Latin America in the Twenty-First Century: the First Decade // International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank, 2015 // <https://documents1.worldbank.org/curated/en/145891467991974540/pdf/Indigenous-Latin-America-in-the-twenty-first-century-the-first-decade.pdf>

[68] Nueva Constitución Política Del Estado. – URL: http://www.oas.org/juridico/spanish/mesicic3_blv_constpolitica.pdf

применении юридических положений на практике. Так, общей проблемой для стран Латинской Америки является тенденция по вытеснению индейских языков испанским. Этому способствует и сопротивление проиндигенистской языковой политике испаноговорящего большинства населения стран, и нежелание самих индейцев сохранять свой язык в силу большей перспективности испанского, и нехватка средств на реализацию дорогостоящего частичного перехода образования на индейские языки. Например, в Боливии только три индейских языка (кечуа, аймара и гуарани) имеют алфавитную письменность на основе латиницы и 11 языков – учебные руководства для чтения и письма, в то время как у остальных 20-ти языков нет даже этого^[69]. В Гватемале с 2003 г. действует закон о национальных языках, где устанавливается, что в тех частях территории страны, где большинство составляет неиспаноговорящее население, государственным служащим следует знать конкретный индейский язык и обращаться к гражданам на этом языке, однако в силу того, что актуальные данные о языковом составе населения отсутствуют, обычно используется испанский язык^[70].

Политика предоставления автономий. Еще одной мерой правительств по решению проблем индейцев стало предоставление автохтонному населению определенной автономии (политической, финансовой) и передача в их собственность государственных земель. Однако ключевые решения по-прежнему принимались центральным правительством, что дало повод говорить не о реальном, а о «символическом» суверенитете индейцев на свои территории^[71]. Реальной проблемой в Боливии^[72], Колумбии^[73], Гватемале^[74] и Гондурасе^[75] остается вопрос вседозволенности ТНК на территориях, на которых обитает коренное население, что приводит к разрушению их среды обитания, вынужденному переселению и ухудшению уровня жизни. В связи с этим возникает вопрос о реальной заинтересованности правительств региона в улучшении социально-экономического положения индейцев. В странах с большой долей индейского населения (Боливия, Гватемала) власти вынуждены обращать внимание на существующие проблемы хотя бы для того, чтобы заручиться электоральной поддержкой (но и в данном случае некоторые авторы отмечают непоследовательность государ-

[69] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. – С. 60.

[70] Participación Política Indígena y Políticas Públicas para Pueblos Indígenas en América Latina / Cajías B., Cárdenas V., Fernando A. — La Paz, 2012. — P. 218.

[71] Merino R. Reimagining the Nation-State: Indigenous Peoples and the Making of Plurinationalism in Latin America // Leiden Journal of International Law. — 2018. — Vol. 31, № 4. — P. 791.

[72] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. – С. 79-80.

[73] Participación Política Indígena y Políticas Públicas para Pueblos Indígenas en América Latina / Cajías B., Cárdenas V., Fernando A. — La Paz, 2012. — P. 157.

[74] Pueblos indígenas en Guatemala // IWGIA: El Grupo Internacional de Trabajo sobre Asuntos Indígenas. — URL: <https://www.iwgia.org/es/guatemala.html>

[75] El Mundo Indígena. 93. — URL: https://www.iwgia.org/images/publications/0717_EL_MUNDO_INDIGENA_2015_eb.pdf

ственной политики^[76] и несоответствие проиндихенистских политических лозунгов, благодаря которым Э. Моралес получил массовую поддержку индейского населения, реальной политике правительства^[77]). В странах с небольшой долей индейского населения (Колумбия, Гондурас) ситуация с правами автохтонного населения вызывает серьезную озабоченность: из 87 коренных народов Колумбии около 65 находятся под угрозой исчезновения^[78], а власти Гондураса продолжают проводить довольно жесткую неолиберальную политику, санкционируя приватизацию природных ресурсов и сооружение ГЭС в районах обитания индейцев без предварительной консультации с ними. За противодействие реализации одобренных правительством бизнес-проектов индейские лидеры подвергаются давлению и преследованию^[79].

Кроме того, существенно снижать эффективность государственной политики может страновая специфика существования индейцев, а также их взаимодействия с государством и другими этническими, социальными и политическими группами. Так, в Боливии

сохраняются противоречия между различными индейскими племенами^[80] — «востоком» и «западом» страны, в связи с чем монолитная индихенистская политика представляется невозможной. Да и сами властные круги проводят очень дифференцированную линию — население восточной части Боливии явно пользуется меньшим вниманием правительства, нежели кечуа и айма-ра^[81]. Наконец, боливийская политика исходит из ложной предпосылки о том, что индейцы являются преимущественно сельской категорией граждан, при этом упускается из виду, что около половины боливийского населения живет в городе, при этом находясь в значительно худших условиях, чем другие группы населения^[82]. В Колумбии на протяжении десятилетий большое влияние на благосостояние автохтонного населения оказывала продолжавшаяся гражданская война, в ходе которой многие индейцы были вынуждены покинуть свои дома^[83]. Как и в Боливии, в Колумбии остается нерешенной проблема крайней бедности индейского населения, живущего в городской черте: «для тех, кто оказался в городах, практиче-

[76] Doyle M. The paths to autonomy: plurinational reform and indigenous governance in contemporary Bolivia // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. — 2021. — Vol. 16. Issue 4. — P. 361.

[77] Cameron J.D. Bolivia's Contentious Politics of 'Normas y Procedimientos Propios' // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. — 2013. — Vol. 8. Issue 2. — P. 196.

[78] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. — С. 94.

[79] El Mundo Indígena 2015 / Ed. Mikkelsen C. // IWGIA: El Grupo Internacional de Trabajo sobre Asuntos Indígenas. — 2015. — P. 94. — URL: https://www.iwgia.org/images/publications/0717_EL_MUNDO_INDIGENA_2015_eb.pdf

[80] Doyle M. The paths to autonomy: plurinational reform and indigenous governance in contemporary Bolivia // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. — 2021. — Vol. 16. Issue 4. — P. 362.

[81] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. — С. 65.

[82] Horn P. Indigenous peoples, the city and inclusive urban development policies in Latin America: Lessons from Bolivia and Ecuador // *Development Policy Review*. — 2018. — Vol. 36. Issue 4. — P. 498.

[83] Participación Política Indígena y Políticas Públicas para Pueblos Indígenas en América Latina / Cajías B., Cárdenas V., Fernando A. — La Paz, 2012. — P. 157.

ски единственным занятием стало попрошайничество»^[84]. В Гондурасе не все индейские племена признаются государством как таковые^[85], что не дает им возможности защищать свои права в соответствии с конвенцией № 169 МОТ.

Проблема несоответствия уровня жизни коренных народов среднему по стране довольно давно стоит перед правительствами латиноамериканских стран, однако несмотря на принимаемые меры (наиболее перспективно в 2010-е гг. смотрелась политика Боливии) разрыв в уровне образования, грамотности, условиях труда между индейским и неиндейским населением не сокращается, в связи с чем можно сделать вывод о неэффективности государственной индигенистской политики во всех четырех странах.

НЕДОСТАТОЧНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНДЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ

Этнические, культурные и религиозные меньшинства обычно не имеют достаточного представительства в законодательных органах своих стран^[86], и индейское население в странах ЛА, где политики нередко относятся к политической или культурной элите, не является исключением. Хотя трудно оценить,

насколько «адекватно» общество представлено выборными институтами, отчасти из-за сложности определения «достаточного представительства»^[87], под недостаточным мы понимаем такую долю представителей меньшинства, которое не соответствует доле группы в общем населении страны.

Боливия. Конституция Боливии устанавливает, что за индейским населением в палате депутатов страны закрепляется 7 мест из 130, причем предоставляются они малым индейским народам. В сенате, формируемом по территориальному принципу, особой квоты для коренных народов не предусмотрено.

С формальной точки зрения, в боливийском парламенте внушительная группа депутатов индейского происхождения (более 30 % палаты)^[88], что в целом отражает этническую структуру населения страны, но при более детальном рассмотрении возникают существенные несостыковки.

В частности, в Боливии насчитывается более сорока разнообразных индейских народов, и ожидалось, что семи закрепленных за автохтонным населением мест в нижней палате будет достаточно, чтобы отстаивать интересы всех индейцев страны. Однако попытки семи депутатов создать межпартийную парламентскую группу индейцев

[84] Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н.В. Ракуц // М.: ИЛА РАН, 2018. – С. 105.

[85] El Mundo Indígena 2015 / Ed. Mikkelsen C. // IWGIA: El Grupo Internacional de Trabajo sobre Asuntos Indígenas. — 2015. — P. 96. — URL: https://www.iwgia.org/images/publications/0717_EL_MUNDO_INDIGENA_2015_eb.pdf

[86] Togeby L. The Political Representation of Ethnic Minorities: Denmark as a Deviant Case // Party Politics. — 2008. — Vol. 14, № 3. — P. 325–326.

[87] Representation and Effectiveness in Latin American Democracies: Congress, Judiciary and Civil Society. / MacKinnon M.B., Feoli L. // NY, 2013. — P. 92.

[88] Participación Política Indígena y Políticas Públicas para Pueblos Indígenas en América Latina / Cajías B., Cárdenas V., Fernando A. — La Paz, 2012. — P. 61.

были заблокированы партией Движение к социализму (далее MAS, от исп. *Movimiento al Socialismo*). Несмотря на то, что MAS позиционирует себя как партия «многих этносов», априори представляющая все избирательные округа индейцев, в сущности, интересы большинства коренного населения восточной части страны, населенной малыми индейскими народами, не совпадают с интересами партии^[89]. Так в Многонациональном Государстве Боливия сформировалась ограниченная трактовка «многонациональности», а партия MAS перешла от лозунгов о деколонизации, национализации, защиты окружающей среды («*Madre Tierra*») к вопросам развития страны, модернизации, повышения уровня жизни («*Vivir bien*»)^[90], отказа от консультаций с индейцами в пользу выгодного сотрудничества с крупными корпорациями^[91] — сложилась т.н. «новая индейская буржуазия»^[92], которую не особо интересовали проблемы автохтонного населения — одним из очагов конфликта в 2011 г. стал национальный парк ТИПНИС, где правительство страны вознамерилось провести автомобильную магистраль несмотря на охраняемый статус территории и недовольство местных жителей^[93].

Гватемала. В Гватемале специально выделенные места в парламенте для ко-

ренных народов отсутствуют. Несмотря на то, что индейцы составляют более 40 % населения страны, в однопалатном законодательном органе депутатов с индейскими корнями около 13 % от всего состава палаты^[94]. В силу непопулярности левых идей в Гватемале и доминирования правых партий в политике^[95], а также, возможно, других факторов, которые не являются предметом изучения данной статьи, единственная политическая партия, позиционирующая себя, как «проиндейская» — WINAQ — традиционно получает на выборах не более 4 мест в парламенте (из 160) и вынуждена вступать в коалицию с другими левыми партиями.

Колумбия. В Колумбии, несмотря на меньшую долю индейцев в населении страны по сравнению с Гватемалой, дела с их политической представленностью обстоят гораздо лучше. Как и в Боливии, на выборах в обе палаты парламента действуют специальные избирательные округа, выделенные для индейских народов, а в верхней палате парламента за ними закреплено 2 кресла (из 102). Гораздо более активны, в отличие от Гватемалы, политические партии, выступающие с позиций индихенизма. В сенате представлены 3 таких партии: Независимый социальный альянс (4 места), Индихенистские власти Колумбии

[89] Barié C.G. Representation of indigenous peoples in times of progressive governments: lessons learned from Bolivia // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. — 2022. — Vol. 17. Issue 2. — P. 184–185.

[90] Gudynas E. Buen Vivir: Today's tomorrow // *Development*. — 2011. — № 54(4). — P. 443.

[91] Participación Política Indígena y Políticas Públicas para Pueblos Indígenas en América Latina / Cajías B., Cárdenas V., Fernando A. — La Paz, 2012. — P. 52–53.

[92] Павлова Е.Б. Стрессоустойчивость неолиберализма: «индейская буржуазия» в Боливии // *Латинская Америка*. — 2017. — № 11. — С. 44.

[93] McNeish J.-A. Extraction, Protest and Indigeneity in Bolivia: The TIPNIS Effect // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. — 2013. — Vol. 8. No. 2. — P. 221.

[94] Там же, P. 226.

[95] Там же, P. 223.

(1 место) и Альтернативное индихенистское и социальное движение (MAIS, 1 место). Интересно, однако, что, по сравнению с Боливией, где специально выделенные для индейцев места есть в нижней палате парламента, в палате представителей Колумбии представительство автохтонного населения по тем или иным причинам незначительно — партия MAIS на последних выборах получила 1 место (из 188), а остальные индейские партии в палату не прошли.

Гондурас. В Гондурасе специально выделенных для индейского населения мест в однопалатном парламенте (Национальном конгрессе) нет, как нет и какой-либо политической партии, которая провозгласила бы себя защитником интересов коренных народов.

Таким образом, из четырех рассматриваемых стран только в Боливии и Колумбии в законодательных органах существуют зарезервированные места для автохтонного населения, а на выборах в районах проживания индейцев действуют специальные избирательные округа, в то время как в Гватемале и Гондурасе такого нет. Показательно, что степень представленности индихенистских партий / индейских сообществ в парламентах не зависит от доли индейцев в общем населении страны: можно говорить об относительно «достаточной» представленности коренного населения (хотя бы по формальным признакам) в многонациональной Боливии и более монолитной Колумбии, и определенно «недостаточной» представленности индейцев как в столь разнообразной с этнической точки зрения Гватемале, так и в Гондурасе, где индейское население составляет менее 10 % населения страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Концептуальное осмысление феномена «индейского ренессанса» показало, что он пока не получил четкого концептуального наполнения, став скорее собирательным понятием, которое имеет ограниченную применимость для научного исследования. Корректным можно считать использование термина «неоиндихенизм», который отражает преемственность старейшего общественно-политического движения. Более того, именно движение индихенизма, которое претерпело качественную трансформацию от узкого кружка интеллектуалов, разработавших интегральную модель, до создания масштабного движения коренных народов ЛА, где ключевую роль играют сами индейцы, внесло главный вклад в решение проблем индейского населения.

Что касается изменений в социально-экономическом положении коренных народов, заключили, что во всех анализируемых странах сохраняется низкий уровень социально-экономического благосостояния индейцев. Значительно большее количество индейцев, чем неиндейцев, проживают в условиях бедности и крайней бедности, подвергаются трудовой дискриминации, не имеют доступа к социальным благам. При этом показатели доступности социальных благ в Латинской Америке являются низкими. Проблема состоит не столько в доле дискриминируемого индейского населения, сколько в плохо развитом социальном секторе в целом.

Государственная политика характеризовалась символическим приданием дополнительных прав индейским язы-

кам при сохранении доминирующей роли испанского (в силу экономической и политической целесообразности), и предоставлением номинальной автономии индейскому населению. При этом из-за сохраняющегося разрыва в уровне жизни между индейским и неиндейским населением можно говорить о неэффективности принимавшихся мер. Успешной политике также препятствовала разнородность индейских народов, иногда противостоящих друг другу, и отсутствие должного внимания к индейцам, проживающим в городах и нередко находящимся в худших условиях по сравнению с сельским населением.

Степень представленности индейского меньшинства в органах законодательной власти не зависит от доли автохтонного населения в общем населении страны: относительно «достаточная» представленность индейцев фиксируется в Боливии и Колумбии, явно «недостаточная» представленность – в Гватемале и Гондурасе, то есть в каждой из представленных пар присутствует страна с высокой долей и страна с низкой долей коренного населения. Но в целом, скорее можно говорить о недостаточной представленности индейского населения в парламентах латиноамериканских стран.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кретов С.М. «Возрождение этничности» в глобализирующемся мире: пример латиноамериканских индейских движений / С. М. Кретов // Вестник МГИМО Университета. — 2019. — Т. 12. № 5. — С. 44–63.
2. Кузнецов Д.А., Хулио Е.А. Международное измерение проблемы коренного населения Латинской Америки // Латинская Америка. — 2022. — № 11. — С. 43–60.
3. Латинская Америка XX века: социальная антропология бедности / отв. ред. Б.И. Коваль. — Ин-т Латинской Америки РАН. — М.: Наука, 2006. — 287 с.
4. Павлова Е.Б. Стрессоустойчивость неолиберализма: «индейская буржуазия» в Боливии // Латинская Америка. — 2017. — № 11. — С. 39–48.
5. Ракуц Н.В. Культура индейских народов и политика государства. Южноамериканские реалии / Н. В. Ракуц. — М., 2018. — 264 с.
6. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций: монография / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов. — СПб: ЛИТЕО. — 336 с.
7. Чернышев А.Л. Политизация этничности в эпоху глобализации: опыт Латинской Америки / А. Л. Чернышев // Латинская Америка. — 2015. — № 9. — С. 73–80.
8. Шинкаренко А.А. Становление индихенизма в Латинской Америке / А.А. Шинкаренко // Латинская Америка. — 2011. — № 10. — С. 76–88.
9. Albó X.C., Barrios F.X.S. Por una Bolivia plurinacional e intercultural con autonomías // Cuaderno de futuro. — 2007. — Vol. 22. — La Paz: PNUD, 2007.
10. Albó X.C., Molina R. Gama étnica y lingüística de la población boliviana. — La Paz, 2006.
11. Aníbal Quijano. El “movimiento indígena”, la democracia y las cuestiones pendientes en América Latina // Polis. — 2005. — 10. — URL: <http://journals.openedition.org/polis/7500>.

12. Barié C.G. Representation of indigenous peoples in times of progressive governments: lessons learned from Bolivia // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. — 2022. — Vol. 17. Issue 2. — P. 167–192.

13. Cabodevilla M.A. Pueblos ocultos. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. — Copenhagen: IWGIA, 2007. — P.110-122.

14. Cameron J.D. Bolivia's Contentious Politics of 'Normas y Procedimientos Propios' // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. — 2013. — Vol. 8. Issue 2. — P. 179–201.

15. Davis-Castro C. Indigenous Peoples in Latin America: Statistical Information // Congressional Research Centre. — 2020. — URL: https://www.everycrsreport.com/files/20200213_R46225_128adcb09e3067c35446c87b012ae4a960173af8.pdf

16. Doyle M. The paths to autonomy: plurinational reform and indigenous governance in contemporary Bolivia // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. — 2021. — Vol. 16. Issue 4. — P. 352–373.

17. El Mundo Indígena 2015 / Ed. Mikkelsen C. // IWGIA: El Grupo Internacional de Trabajo sobre Asuntos Indígenas. — 2015. — 584 p. — URL: https://www.iwgia.org/images/publications/0717_EL_MUNDO_INDIGENA_2015_eb.pdf

18. Gudynas E. Buen Vivir: Today's tomorrow // Development. — 2011. — № 54(4). — P. 441–447.

19. Horn P. Indigenous peoples, the city and inclusive urban development policies in Latin America: Lessons from Bolivia and Ecuador // Development Policy Review. — 2018. — Vol. 36. Issue 4. — P. 483–501.

20. Jaramillo E. Colombia // El mundo indígena. — Copenhagen, 2013. — 545 p.

21. José Bengoa. La Emergencia Indígena en América Latina // Fondo de Cultura Económica, 2000. — 341 p.

22. McNeish J.-A. Extraction, Protest and Indigeneity in Bolivia: The TIPNIS Effect // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. — 2013. — Vol. 8. No. 2. — P. 221–242.

23. Merino R. Reimagining the Nation-State: Indigenous Peoples and the Making of Plurinationalism in Latin America // *Leiden Journal of International Law*. — 2018. — Vol. 31, № 4. — P. 773–792.

24. Nota del editor. La cuestión de la teoría de la dependencia // *Espacio Abierto*. — 2018. — Vol. 27, Núm. 1. — PP. 201-236.

25. Participación Política Indígena y Políticas Públicas para Pueblos Indígenas en América Latina / Cajías B., Cárdenas V., Fernando A. — La Paz, 2012. — 312 p.

26. Puig Andrés A. Fábregas. Historia Mínima Del Indigenismo En América Latina. — El Colegio de Mexico, 2021. — 229 p. — URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2bwvt3t>

27. René Harder Horst. A History of Indigenous Latin America: Aymara to Zapatistas. — Routledge, 2020. — 408 p.

28. Representation and Effectiveness in Latin American Democracies: Congress, Judiciary and Civil Society. / MacKinnon M.B., Feoli L. // NY, 2013. — 330 p.

29. Togeby L. The Political Representation of Ethnic Minorities: Denmark as a Deviant Case // *Party Politics*. — 2008. — Vol. 14, № 3. — P. 325–343.

REFERENCES

1. Albó X.C., Barrios F.X.S. Por una Bolivia plurinacional e intercultural con autonomías // *Cuaderno de futuro*. — 2007. — Vol. 22. — La Paz: PNUD, 2007.

2. Albó X.C., Molina R. Gama étnica y lingüística de la población boliviana. — La Paz, 2006.

3. Aníbal Quijano. El “movimiento indígena”, la democracia y las cuestiones pendientes en América Latina // *Polis*. — 2005. — 10. — URL: <http://journals.openedition.org/polis/7500>.

4. Barié C.G. Representation of indigenous peoples in times of progressive governments: lessons learned from Bolivia // *Latin American and Caribbean Ethnic Studies*. — 2022. — Vol. 17. Issue 2. — P. 167–192.

5. Cabodevilla M.A. Pueblos ocultos. – Pueblos indígenas en aislamiento voluntario y contacto inicial en la Amazonía y el Gran Chaco. – Copenhagen: IWGIA, 2007. – P.110-122.
6. Cameron J.D. Bolivia's Contentious Politics of 'Normas y Procedimientos Propios' // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. – 2013. – Vol. 8. Issue 2. – P. 179–201.
7. Chernyshev A.L. Politizaciya etnichnosti v epohu globalizacii: opyt Latinskoj Ameriki [Politicizing ethnicity in the era of globalization: Latin American experience] / A.L. CHernyshev // Latinskaya Amerika. – 2015. – № 9. – P. 73–80.
8. Davis-Castro C. Indigenous Peoples in Latin America: Statistical Information // Congressional Research Centre. – 2020. – URL: https://www.everycrsreport.com/files/20200213_R46225_128adcb09e3067c35446c87b012ae4a960173af8.pdf
9. Doyle M. The paths to autonomy: plurinational reform and indigenous governance in contemporary Bolivia // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. – 2021. – Vol. 16. Issue 4. – P. 352–373.
10. El Mundo Indígena 2015 / Ed. Mikkelsen C. // IWGIA: El Grupo Internacional de Trabajo sobre Asuntos Indígenas. – 2015. – 584 p. – URL: https://www.iwgia.org/images/publications/0717_EL_MUNDO_INDIGENA_2015_eb.pdf
11. Gudynas E. Buen Vivir: Today's tomorrow // Development. – 2011. – № 54(4). – P. 441–447.
12. Horn P. Indigenous peoples, the city and inclusive urban development policies in Latin America: Lessons from Bolivia and Ecuador // Development Policy Review. – 2018. – Vol. 36. Issue 4. – P. 483–501.
13. Jaramillo E. Colombia // El mundo indígena. – Copenhagen, 2013. – 545 p.
14. José Bengoa. La Emergencia Indígena en América Latina // Fondo de Cultura Económica, 2000. – 341 p.
15. Kretov S.M. "Vozrozhdenie etnichnosti" v globaliziruyushchemsya mire: primer latinoamerikanskih indejskih dvizhenij ["Ethnic Revival" in Globalizing World: The Example of Indigenous Political Movements in Latin America] / S. M. Kretov // MGIMO Review of International Relations. – 2019. – Vol. 12. № 5. – P. 44–63.

16. Kuznecov D. A. , Hulio E. A. Mezhdunarodnoe izmerenie problemy korennoho naseleniya Latinskoj Ameriki [International Dimension of the Indigenous Problem in Latin America] // Latinskaya Amerika. – 2022. – № 11. – P. 43-60.

17. Latinskaya Amerika XX veka: social'naya antropologiya bednosti [Latin America in the 21st century: social anthropology of poverty] / ed. by B.I. Koval' // Institute of Latin America RAS. – M.: Nauka, 2006. – 287 p.

18. McNeish J.-A. Extraction, Protest and Indigeneity in Bolivia: The TIPNIS Effect // Latin American and Caribbean Ethnic Studies. – 2013. – Vol. 8. No. 2. – P. 221-242.

19. Merino R. Reimagining the Nation-State: Indigenous Peoples and the Making of Plurinationalism in Latin America // Leiden Journal of International Law. – 2018. – Vol. 31, № 4. – P. 773-792.

20. Nota del editor. La cuestión de la teoría de la dependencia // Espacio Abierto. – 2018. – Vol. 27, Núm. 1. – PP. 201-236.

21. Participación Política Indígena y Políticas Públicas para Pueblos Indígenas en América Latina / Cajías B., Cárdenas V., Fernando A. – La Paz, 2012. – 312 p.

22. Pavlova E.B. Stressoustojchivost' neoliberalizma: «indejskaya burzhuaziya» v Bolivii [Resilience of Neoliberalism: Indigenous Bourgeoisie in Bolivia] // Latinskaya Amerika. – 2017. – № 11. – P. 39-48.

23. Puig Andrés A. Fábregas. Historia Mínima Del Indigenismo En América Latina. – El Colegio de Mexico, 2021. – 229 p. – URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctv2bwvt3t>

24. Rakuc N.V. Kul'turaindejskih narodov i politikag osudarstva. YUzhnoamerikanskie realii [Culture of indigenous peoples and state policy. Latin American realities] / N.V. Rakuc. M., 2018. – 264 p.

25. René Harder Horst. A History of Indigenous Latin America: Aymara to Zapatistas. – Routledge, 2020. – 408 p.

26. Representation and Effectiveness in Latin American Democracies: Congress, Judiciary and Civil Society. / MacKinnon M.B., Feoli L. // NY, 2013. – 330 p.

27. Safonov A.L., Orlov A.D. Etnos i globalizaciya : etnokul'turnye mekhanizmy raspada sovremennyh nacij [Ethnicity and globalization: enthocultural mechanisms of modern state collapse] : monografiya // A.L. Safonov, A.D. Orlov. – SPb: LITEO. – 336 p.

28. Shinkarenko A.A. Stanovlenie indihenizma v Latinskoj Amerike [The Formation of Indigenism in Latin America] / A. A. Shinkarenko // Latinskaya Amerika. – 2011. – № 10. – P. 76–88.

29. Togeby L. The Political Representation of Ethnic Minorities: Denmark as a Deviant Case // Party Politics. – 2008. – Vol. 14, № 3. – P. 325–343.